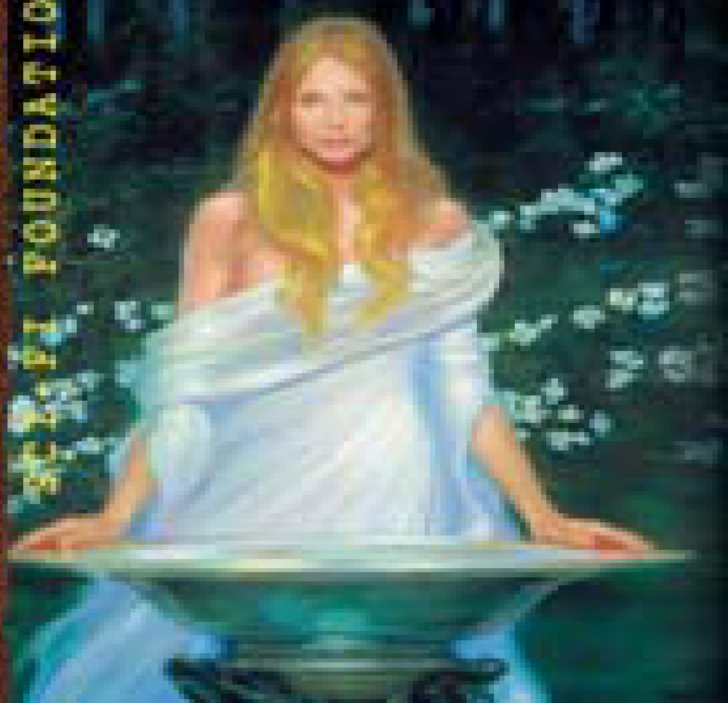
Вся

ЛЕ ГУИН

РОЗА ВЕТРОВ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SF FOUNDATION



SHOUT
SHARE
IT

- Урсула Ле Гуин
  - * * *
- notes
  - 1
  - 2

Урсула Ле Гуин
Апрель в Париже

* * *

Это первый рассказ, за который мне заплатили, второй рассказ, который я опубликовала, и, наверное, тридцатый или сороковой из мною написанных. Стихи и прозу я писала с того дня, когда мой брат Тед, которому надоела неграмотная пятилетняя сестренка, научил меня читать. Годам к двадцати я начала рассылать свои труды издателям. Кое-какие стихи были напечатаны, но прозу я до тридцати лет даже не пыталась предлагать – так упорно ее отвергали. «Апрель в Париже» стал первым «жанровым» рассказом – определенно фантастическим, – написанным мною с 1942 года, когда я накропала для «Эстаундинг» рассказик о Происхождении Жизни на Земле, который был по некоей недоступной мне причине отвергнут (мы с Джоном Кэмпбеллом не сходились характерами). В двенадцать лет мне было очень приятно получить уведомление об отказе на настоящем бланке, но в тридцать два мне было куда приятнее получить чек. Профессионализм – не добродетель. Профессионал – это человек, делающий за деньги то, чем любитель занимается из любви к искусству. При экономике, основанной на деньгах, оплаченный труд – это труд, который будет использован, будет прочтен. Это способ высказать что-то и быть услышанным. Селия Голдсмит Лэлли, купившая этот рассказ в 1962-м, была самым интересным и внимательным редактором, какой только может быть в НФ-журнале, и я благодарна ей за то, что она отворила мне дверь.

Профессор Барри Пенниуизер сидел за своим столом в холодной, сумрачной мансарде и не сводил глаз с лежащей на столе книги и хлебной корки. Хлеб – его неизменный обед, книга – труд всей его жизни. И то и другое слишком сухо. Доктор Пенниуизер вздохнул, его пробрала дрожь. В нижнем этаже этого старого дома апартаменты весьма изысканные, однако же первого апреля, какова бы ни была погода, отопление выключается; сегодня второе апреля, а на улице дождь со снегом пополам. Приподняв голову, доктор Пенниуизер мог бы увидеть из окна две квадратные башни собора Парижской Богоматери – неотчетливые в сумерках, они взмывают в небо совсем близко, и кажется, до них можно достать рукой: ведь остров Сен-Луи, где живет профессор, подобен маленькой барже, что скользит по течению, как на буксире, за островом Ситэ, на котором воздвигнут собор. Но Пенниуизер не поднимал головы. Уж очень он закоченел.

Огромные башни утопали во тьме. Доктор Пенниуизер утопал в унынии. С отвращением смотрел он на свою книгу. Она завоевала ему год в Париже – напечатайтесь или пропадите пропадом, сказал декан, и он напечатал эту книгу и в награду получил годичный отпуск без сохранения жалованья. Мансонскому колледжу не под силу платить преподавателям, когда они не преподают. И вот на свои скудные сбережения он вернулся в Париж и снова, как в студенческие годы, поселился в мансарде ради того, чтобы читать в Национальной библиотеке рукописи пятнадцатого века и любоваться цветущими каштанами вдоль широких улиц. Но ничего не выходит. Ему уже сорок, слишком он стар для одинокой студенческой мансарды. Под мокрым снегом погибнут, не успев распуститься, бутоны каштанов. И опостылела ему его работа. Кому какое дело до его теории – «теории Пенниуизера» – о загадочном исчезновении в 1463 году поэта Франсуа Вийона? Всем наплевать. Ведь, в конце концов, его теория касательно бедняги Вийона, преступника, величайшего школяра всех времен, – только теория, доказать ее через пропасть пяти столетий невозможно. Ничего не докажешь. Да и что за важность, умер ли Вийон на монфоконской виселице или (как думает Пенниуизер) в лионском борделе на пути в Италию? Всем наплевать. Никому больше не дорог Вийон. И доктор Пенниуизер тоже никому не дорог, даже самому доктору Пенниуизеру. За что ему себя любить? Нелюдимый холостяк, ученый сухарь на грошовом жалованье, одиноко торчит в нетопленой мансарде обветшалого дома и пытается накропать еще одну неудобочитаемую книгу.

– Витаю в облаках, – сказал он вслух, опять вздохнул, и опять его пробрала дрожь.

Он поднялся, сдернул с кровати одеяло, закутался в него и, вот так неуклюже замотанный, снова подсел к столу и попытался закурить дешевую сигарету. Зажигалка щелкала вхолостую. Опять он со вздохом поднялся, достал жестянку с вонючим французским бензином, сел, снова завернулся в свой кокон и щелкнул зажигалкой. Оказалось, немало бензина он расплескал. Зажигалка вспыхнула – и доктор Пенниуизер тоже вспыхнул, от кистей рук и до пят.

– Проклятие! – вскрикнул он, когда по пальцам побежали язычки голубого пламени, вскочил, неистово замахал руками и все чертыхался и яростно негодовал на Судьбу. Вечно все идет наперекос. А чего ради он старается? Было 2 апреля 1961 года, 8 часов 12 минут вечера.

В холодной комнате с высоким потолком сгорбился у стола человек. За окном позади него маячили в весенних сумерках

квадратные башни собора Парижской Богоматери. Перед ним на столе лежали кусок сыра и громадная рукописная книга в переплете с железными застежками. Книга называлась (по-латыни): «О главенстве стихии Огня над прочими тремя стихиями». Автор смотрел на нее с отвращением. Неподалеку, на железной печурке, медленно закипало что-то в небольшом перегонном аппарате. Жеан Ленуар то и дело машинально пододвигал свой стул поближе к печурке, пытаясь согреться, но мысли его поглощены были задачами куда более важными.

– Проклятие! – сказал он наконец на французском языке эпохи позднего Средневековья, захлопнул книгу и поднялся.

Что, если его теория неверна? Что, если первоэлемент, главенствующая стихия – вода? Как возможно доказать подобные мысли? Должен же существовать некий путь… некий метод… чтобы можно было увериться твердо, бесповоротно хотя бы в одной истине! Но каждая истина влечет за собою другие, такая чудовищная путаница, и все великие умы прошлого противоречат друг другу, да ведь никто и не станет читать его книгу, даже эти жалкие ученые сухари в Сорбонне. Они сразу чуют ересь. А чего ради он старается? Чего стоит его жизнь, прожитая в нищете и одиночестве, если он так ничего и не узнал, а только путался в догадках и теориях? Он яростно шагал по мансарде из угла в угол и вдруг застыл на месте.

– Хорошо же! – сказал он Судьбе. – Прекрасно! Ты не дала мне ничего, так я сам возьму то, чего хочу!

Он подошел к кипе книг – книги повсюду штабелями громоздились на полу, – выхватил из-под низу толстый том (причем поцарапал кожаный переплет и поранил пальцы, так как фолианты, что лежали сверху, обрушились), с размаху швырнул книгу на стол и принялся изучать какую-то страницу. Потом, все с тем же застывшим на лице выражением мятежного вызова, приступил к приготовлениям: сера, серебро, мел… В комнате у него было пыльно и захламлено, однако на небольшом рабочем столе порядок безукоризненный, все колбы и реторты под рукой. И вот все готово. Он чуть помедлил.

– Это нелепо… – пробормотал он и глянул в окно, туда, где теперь еле угадывались во тьме две квадратные башни.

Под окном прошел стражник, громко выкрикнул время – восемь часов, вечер холодный, ясный. Тишина такая, что слышно, как плещет в берегах Сена. Жеан Ленуар пожал плечами, нахмурился, взял кусок мела и начертил на полу, подле стола, аккуратную пентаграмму, потом взял книгу и отчетливо, хоть и несмело, начал читать вслух:

– Haere, haere, audi me…[1]

Заклинание такое длинное и почти сплошь – бессмыслица. Голос Ленуара звучал все тише. Стало скучно и как-то неловко. Наскоро пробормотал он заключительные слова, закрыл книгу – и шарахнулся, привалился спиной к двери и ошеломленно, во все глаза уставился на непонятное явление: внутри пентаграммы возник кто-то огромный, бесформенный, освещенный только голубым мерцанием, исходящим от огненных лап, которыми он неистово размахивал.

Барри Пенниуизер наконец опомнился и погасил огонь, сунув руки в складки одеяла, которым был обмотан. Он даже не очень обжегся, только отчасти утратил душевное равновесие, и опять подсел к столу. Поглядел на свою книгу. Глаза у него стали круглые. Перед ним лежала уже не тощая книжка в серой обложке под названием «Последние годы Вийона, исследование различных возможностей». Нет, это был тяжелый том в коричневом переплете, и назывался он «Incantatoria Magna»[2]. У него на столе? Бесценная рукопись 1407 года? Да ведь единственный список ее, который пощадило время, хранится в Милане, в Амброзиевской библиотеке? Пенниуизер медленно обернулся. И медленно раскрыл рот от изумления. Обвел взглядом железную печурку, рабочий стол, уставленный ретортами и пробирками, неправдоподобные тома в кожаных переплетах – они громоздились на полу, десятка три солидных кип, – окно, дверь. Знакомое окно, знакомая дверь. Но у двери съежился на полу кто-то маленький, бесформенный, черный, и от этого существа исходил частый треск, точно от погремушки. Барри Пенниуизер не отличался особой храбростью, но он был человек рассудительный. Он подумал, что сошел с ума, и потому сказал совершенно спокойно:

– Вы кто, дьявол?

Существо содрогнулось и продолжало стучать зубами.

Профессор мельком глянул туда, где высился неразличимый в темноте собор, и для пробы перекрестился.

Тут непонятное существо вздрогнуло, но не отпрянуло. Потом еле слышно что-то сказало, оно отлично говорило по-английски… нет, оно отлично говорило по-французски… нет, оно довольно странно говорило по-французски.

– Значит, вы есть Господь Бог, – сказало оно.

Барри встал и попытался его рассмотреть.

– Кто вы такой? – властно спросил он.

Существо подняло голову – лицо оказалось самое обыкновенное, человеческое – и кротко ответило:

– Я Жеан Ленуар.

– Как вы попали в мою комнату?

Короткое молчание. Ленуар поднялся с колен, выпрямился во весь свой невеликий росточек – пять футов и два дюйма.

– Эта комната – моя, – сказал он наконец с ударением, хотя и вполне вежливо.

Барри обвел взглядом книги и колбы. Еще минута прошла в молчании.

– Тогда как же я сюда попал?

– Я перенес вас сюда.

– Вы маг?

Ленуар с гордостью кивнул. Он весь преобразился.

– Да, я маг, – промолвил он. – Да, это я перенес вас сюда. Если Природе не угодно открыть мне знания, так я могу покорить ее, Природу, я могу сотворить чудо! Тогда к дьяволу науку! Я был ученым… с меня довольно! – Он устремил на Барри пылающий взор: – Меня называют глупцом, еретиком, что ж, клянусь Богом, я и того хуже! Я колдун, доктор черной магии, я, Жеан, чья фамилия означает Черный! Магия действует, так? Стало быть, наука – пустая трата времени. Ха! – фыркнул он, но по лицу его совсем не видно было, чтобы он торжествовал. – Лучше бы она не подействовала, – сказал он тише и зашагал взад и вперед между кипами книг.

– Я тоже предпочел бы, чтобы ваша магия не подействовала, – отозвался гость.

– Кто вы такой? – Ленуар вскинул голову и с вызовом поглядел в лицо Барри, хотя тот был на голову выше.

– Меня зовут Барри Пенниуизер. Я профессор, преподаю французский язык в Мансонском колледже, штат Индиана, провожу отпуск в Париже – продолжаю изучать позднее французское Средневеко… – Он запнулся. Вдруг он понял, что за произношение у Ленуара и почему его зовут не просто Жан, а Жеан. – Какой сейчас год? Какой век? Прошу вас, доктор Ленуар… – Лицо у француза стало растерянное. Слова не только звучат по-иному, изменилось, кажется, и самое их значение. – Кто правит вашей страной?! – закричал Барри.

Ленуар пожал плечами – истинно французский жест (есть вещи, которые не меняются).

– Королем сейчас Людовик, – сказал он. – Людовик Одиннадцатый. Гнусный старый паук.

Несколько минут они стояли недвижимые, точно вырезанные из дерева индейцы у дверей табачной лавки, и в упор смотрели друг на друга. Ленуар заговорил первый:

– Так, значит, вы – человек?

– Да. Послушайте, Ленуар, по-моему, вы… ваши заклинания… должно быть, вы что-то напутали.

– Очевидно, – сказал алхимик. – А вы француз?

– Нет.

– Англичанин? – Глаза Ленуара гневно вспыхнули. – Проклятый британец!

– Нет. Нет, я из Америки. Я из… из вашего будущего. Из двадцатого века от Рождества Христова.

Барри покраснел. Это прозвучало преглупо, а он был человек скромный. Но он знал, ничего ему не мерещится. Он у себя в комнате, но сейчас она совсем другая. Эти стены не простояли пяти веков. Здесь не стирают пыль, но все новое. И том Альберта Великого в кипе у его колен – новехонький, в мягком, ничуть не высохшем переплете из телячьей кожи, и ничуть не потускнело тисненное золотом название. И стоит перед ним Ленуар – не в костюме, а в каком-то черном балахоне, человек явно у себя дома…

– Пожалуйста, присядьте, сударь, – говорил меж тем Ленуар. И прибавил с изысканной, хотя и рассеянной учтивостью ученого, у которого за душой ни гроша: – Должно быть, вы утомлены путешествием? Не окажете ли мне честь разделить со мною ужин? У меня есть хлеб и сыр.

Они сидели за столом и жевали хлеб с сыром. Сперва Ленуар попытался объяснить, почему он решился прибегнуть к черной магии.

– Мне все опостылело, – сказал он. – Опостылело! Я работал не щадя себя, в уединении, с двадцати лет, а чего ради? Ради знания. Дабы познать иные тайны Природы. Но познать их не дано.

Он с маху на добрых полдюйма вонзил нож в доску стола, Барри даже подскочил. Ленуар маленький, щупленький, но, видно, нрав у него пылкий. И лицо прекрасное – хоть и очень бледное, худое, но столько в нем ума, живости, одухотворенности. Пенниуизеру вспомнилось лицо прославленного атомного физика, чьи фотографии появлялись в газетах вплоть до 1953 года. Наверное, из-за этого сходства у него и вырвалось:

– Иные тайны познать дано, Ленуар; мы не так уж мало всякого узнали…

– Что же? – недоверчиво, но с любопытством спросил алхимик.

– Ну, это не моя область.

– Умеете вы делать золото? – усмехнулся Жеан.

– Нет, кажется, не умеем, но вот алмазы у нас делают.

– Каким образом?

– Из углерода… ну, в общем, из угля… при огромном нагреве

и под огромным давлением, как я понимаю. Вы же знаете, и уголь и алмаз – тот же углерод, один и тот же элемент.

– Элемент?!

– Ну, я ведь говорил, сам я не…

– Который из всех – первоэлемент? Который главенствующая стихия? – закричал Ленуар, вскинул руку с ножом, глаза его сверкали.

– Элементов около сотни, – стараясь не выдать испуга, сдержанно ответил Барри.

Два часа спустя, выжав из Барри до последней капли все остатки сведений по химии, которые тот когда-то получил в колледже, Ленуар выбежал в ночь и вскоре возвратился с бутылкой.

– О господин мой! – кричал он. – Подумать только, что я предлагал тебе всего лишь хлеб и сыр!

В бутылке оказалось чудесное бургундское урожая 1477 года, добрый выдался год для винограда. Они выпили по стаканчику, и Ленуар сказал:

– Если бы я мог тебя хоть как-то отблагодарить!

– Вы можете. Знакомо вам имя поэта Франсуа Вийона?

– Да, знаю, – не без удивления сказал Ленуар. – Но он ведь только сочинял какую-то чепуху, на французском сочинял, а не на латыни.

– А не знаете вы, когда и как он умер?

– Ну конечно. Его повесили здесь, на Монфоконе, то ли в шестьдесят четвертом, то ли в шестьдесят пятом, с шайкой таких же негодников. А что тебе до него?

Еще два часа спустя бургундское иссякло, горло у обоих пересохло, за окном чуть брезжил ясный холодный рассвет, и стражник выкрикнул «три часа».

– Я дико устал, Жеан, – сказал Барри. – Отошли-ка меня обратно.

Алхимик не стал спорить, слишком он был учтив, полон благодарности, а вдобавок, пожалуй, тоже совсем выдохся. Барри стал столбом внутри пентаграммы – высокий, костлявый, закутанный в коричневое одеяло, с дымящейся сигаретой в зубах.

– Прощай, – печально молвил Ленуар.

– До свиданья, – отозвался Барри.

Ленуар начал читать заклинание задом наперед. Пламя свечи затрепетало, голос алхимика зазвучал тише.

– Me audi, haere, haere! – прочел он, вздохнул и поднял глаза. Пентаграмма была пуста. Трепетал огонек свечи. – А я узнал так мало! – вскричал Ленуар в пустоту комнаты. Потом забарабанил кулаками по раскрытой книге. – И такой друг… истинный друг…

Он закурил сигарету из тех, что оставил ему Барри, – он мигом пристрастился к табаку. Так, сидя за столом, он уснул и проспал часа три. Пробудясь, посидел немного в хмуром раздумье, снова зажег свечу, выкурил вторую сигарету, а потом раскрыл книгу под названием «Incantatoria» и начал читать вслух:

– Haere, haere…

– О, слава Богу! – сказал Барри, поспешно выступил из пентаграммы и стиснул руку Ленуара. – Послушай, я вернулся туда… в эту комнату, в эту самую комнату, Жеан! Но она была такая старая, ужасно старая и пустая, тебя там не было… и я подумал: Господи, да что же я наделал? Я готов душу продать, лишь бы вернуться назад, к нему… Что мне делать со всем тем, что я узнал в прошлом? Кто мне поверит? Как я все это докажу? Да и кому, черт возьми, рассказывать, когда всем на это наплевать? Я не мог уснуть, битый час сидел и проливал слезы…

– Ты хочешь здесь остаться?

– Да. Вот, я прихватил… на случай, если ты опять меня вызовешь. – Он несмело выложил восемь пачек все тех же сигарет «Голуаз», несколько книг и золотые часы. – За эти часы могут дать хорошую цену, – пояснил он. – Я знал, от бумажных франков толку не будет.

При виде печатных книг глаза Ленуара загорелись любопытством, но он не двинулся с места.

– Друг мой, – сказал он, – ты говоришь, что готов был продать душу… ну, сам понимаешь… Готов был и я. Но мы ведь этого не сделали. Так как же… в конце-то концов… как все это случилось? Оба мы люди. Не дьяволы. Не было договора, подписанного кровью. Просто два человека, оба жили в этой комнате…

– Не знаю, – сказал Барри. – Это мы продумаем после. Можно я останусь у тебя, Жеан?

– Считай, что ты у себя, – сказал Ленуар и с большим изяществом обвел рукою комнату, груды книг, колбы и реторты, свечу, огонек которой уже побледнел. За окном, серые на сером небе, высились башни собора Парижской Богоматери. Занималась заря третьего апреля.

После завтрака (корки хлеба и обрезки сыра) они вышли из дому и взобрались на южную башню. Собор был такой же, как всегда, только стены не такие закопченные, как в 1961 году, но вид с башни поразил Пенниуизера. Внизу лежал совсем небольшой городок. Два островка застроены домами; на правом берегу теснятся, обнесенные крепостной стеной, еще дома; на левом несколько улочек огибают здание университета… и это все.

Между химерами собора, на теплом от солнца камне, ворковали голуби. Ленуар, которому этот вид был не внове, выцарапывал на парапете (римскими цифрами) дату.

– Надо отпраздновать этот день, – сказал он. – Съездим-ка за город. Уже два года я не выбирался из Парижа. Поедем вон туда… – он показал на зеленый холм вдали, там сквозь утреннюю дымку чуть виднелись несколько хижин и ветряная мельница. – …на Монмартр, а? Говорят, там есть неплохие кабачки.

Их жизнь быстро вошла в покойную колею. Поначалу Барри чувствовал себя неуверенно на людных улицах, но Ленуар отдал ему запасной черный плащ с капюшоном, и в этом одеянии он если и выделялся в толпе, то разве лишь высоким ростом. Во Франции пятнадцатого века он, вероятно, был самый рослый из людей. Условия жизни убогие, вши – неизбежное зло, но Барри и прежде не очень гнался за комфортом; всерьез ему недоставало только чашки кофе к завтраку. Они купили кровать, бритву (свою Барри забыл прихватить), Жеан представил его домовладельцу как мсье Барри, своего родича из Оверни, – и теперь их повседневная жизнь окончательно устроилась. Часы Пенниуизера принесли им баснословное богатство – четыре золотые монеты, довольно, чтобы прокормиться целый год. Продали они эти часы как диковинную новинку, сработанную в Иллирии; покупатель, камергер двора его величества, как раз подыскивал достойную вещицу в подарок королю; он поглядел на марку фирмы: «Братья Гамильтон, Нью-Хейвен, 1881» – и с понимающим видом кивнул. К несчастью, не успев еще вручить свое подношение, он угодил за решетку, в одну из клеток в замке Тур, куда Людовик XI сажал провинившихся придворных, и те часы, быть может, поныне лежат в тайнике за каким-нибудь кирпичом в развалинах Плесси; однако двум ученым мужам это ничуть не повредило.

С утра они разгуливали по городу, любовались Бастилией и парижскими храмами либо навещали разных второстепенных поэтов, которыми интересовался Барри; после завтрака рассуждали об электричестве, о теории атома, о физиологии и прочих материях, коими интересовался Ленуар, производили небольшие химические и анатомические опыты – как правило, неудачные; после ужина просто беседовали. В долгих непринужденных беседах они переносились через века, но под конец неизменно возвращались сюда, в полутемную комнату с окном, настежь открытым весенней ночи, к своей дружбе. Через две недели уже казалось, будто они знают друг друга всю жизнь. Они были совершенно счастливы. Оба понимали – им не удастся применить знания, полученные друг от друга. Как мог бы Пенниуизер в 1961-м доказать истинность своих познаний о

старом Париже? Как мог бы Ленуар в 1482-м доказать истинную ценность научного метода познания? Обоих это ничуть не огорчало. Они и прежде всерьез не надеялись, что их хоть кто-то выслушает. Они жаждали только одного – познавать.

Итак, впервые за всю свою жизнь оба они были счастливы; настолько счастливы, что в них стали пробуждаться кое-какие желания, которые прежде задушены были жаждой знаний.

Однажды вечером, сидя за столом напротив Жеана, Барри сказал:

– Я полагаю, ты никогда особенно не помышлял о женитьбе?

– Да нет, – неуверенно ответил друг. – Все же я лицо духовное, хоть сан мой и скромен… да и как-то было не до женитьбы…

– И это удовольствие не из дешевых. Да притом в мое время ни одна уважающая себя женщина не захотела бы жить, как жил я. Американки до дьявола самоуверенны и деловиты, блистательны, но наводят на меня страх…

– А наши женщины маленькие и черные, как жуки, и у них гнилые зубы, – мрачно сказал Ленуар.

В тот вечер о женщинах больше не говорили. Но заговорили назавтра, и на следующий вечер, а на третий друзья удачно препарировали икряную самку лягушки, выделили нервную систему, распили, чтобы отпраздновать такой успех, две бутылки «Монтраше» 1474 года и порядком захмелели.

– Читай-ка заклятие, Жеан, вызовем женщину, – сладострастным басом предложил Барри и ухмыльнулся, точно химера на соборе.

– А вдруг на этот раз я вызову дьявола?

– Пожалуй, разница невелика.

Они неудержимо расхохотались и начертили пентаграмму.

– Haere, haere… – начал Ленуар.

Тут его одолела икота, и за дело взялся Барри. Дочитал до конца. Налетел порыв холодного ветра, запахло болотом – и в пентаграмме возникло совершенно обнаженное существо с длинными черными волосами и дикими от ужаса глазами, оно отчаянно визжало.

– Ей-богу, это женщина, – сказал Барри.

– Разве?

Да, это была женщина.

– На вот тебе мой плащ, – сказал Барри, потому что несчастная вся тряслась, испуганно тараща глаза.

И накинул плащ ей на плечи. Женщина машинально завернулась в плащ, пробормотала:

– Gratios ago, domine.

– Латынь! – вскричал Ленуар. – Женщина – и говорит по-латыни?!

Он был этим столь глубоко потрясен, что даже Бота быстрей оправилась от перенесенного ужаса. Оказалось, она была рабыней в доме супрефекта Северной Галлии, жил супрефект на меньшем из островов затерянного в болоте островного города, называемого Лютеция. По-латыни Бота говорила с сильным кельтским акцентом и даже не знала, кто был римским императором в то время, из которого она явилась. «Истинная дочь варварского племени», – презрительно заметил Ленуар. Да, правда, она была невежественная, молчаливая смиренная дикарка с гривой спутанных волос, белой кожей и ясными серыми глазами. Заклятие вырвало ее из глубины крепчайшего сна. Когда два приятеля наконец убедили ее, что они ей не снятся, она, видно, приписала случившееся какой-то прихоти своего чужеземного всемогущего господина – супрефекта и приняла свою участь, не задаваясь больше никакими вопросами.

– Я должна вам служить, господа мои? – осведомилась она робко, но не хмуро, глядя то на одного, то на другого.

– Мне – нет, – проворчал Ленуар и прибавил по-французски, обращаясь к Барри: – Валяй действуй, я буду спать в чулане.

Он вышел.

Бота подняла глаза на Барри. Никто из галлов и мало кто из римлян отличался таким великолепным высоким ростом, ни один галл и ни один римлянин никогда не говорил с нею так по-доброму.

– Светильник почти догорел, – сказала она (то была свеча, но Бота никогда прежде не видела свеч). – Задуть его?

За добавочную плату – два соля в год – домовладелец разрешил им устроить в чулане вторую спальню, и Ленуар теперь опять спал в большой комнате мансарды один. На идиллию друга он смотрел с хмурым интересом, но без зависти. Профессора и рабыню соединила нежная, восторженная любовь. Их счастье переливалось через край, обдавая и Ленуара волнами радостной заботливости. Горька и жестока была прежняя жизнь Боты, все видели в ней только женщину, но никто не обращался с нею как с человеком. А тут за какую-то неделю она расцвела, воспрянула духом – и оказалось, под кроткой покорностью таилась натура жизнерадостная, быстрый ум. Однажды ночью Жеан услышал (стенки чердака были тонкие), как Барри упрекнул ее:

– Ты становишься заправской парижанкой.

И она ответила:

– Знал бы ты, как я счастлива, что не надо всегда ждать

опасности, всего бояться, всегда быть одной…

Ленуар сел на постели и глубоко задумался. К полуночи, когда все кругом затихло, он поднялся, бесшумно приготовил щепотки серы и серебра, начертил пентаграмму, раскрыл драгоценную книгу. И чуть слышно, опасливо прочитал заклятие.

Внутри пентаграммы появилась маленькая белая собачка. Она съежилась, поджав хвостик, потом несмело подошла к Ленуару, понюхала его руку, поглядела в лицо ему влажными ясными глазами и тихонько, просительно заскулила. Щенок, потерявший хозяина… Ленуар ее погладил. Собачонка лизнула ему руки и стала прыгать на него вне себя от радости. На белом кожаном ошейнике, на серебряной пластинке, выгравирована была надпись: «Красотка. Принадлежит Дюпону, улица Сены, 36, Париж, VI округ».

Красотка погрызла хлебную корку и уснула, свернувшись в клубок под стулом Ленуара. Тогда алхимик опять раскрыл книгу и начал читать, все так же тихо, но на сей раз без смущения, без страха, уже зная, что произойдет.

Наутро Барри вышел из чулана-спальни, где проводил он медовый месяц, и на пороге остолбенел. Ленуар сидел на своей постели, гладил белого щенка и увлеченно беседовал с особой, что сидела в изножье кровати, – высокой огненно-рыжей женщиной в серебряном одеянии. Щенок залаял. Ленуар сказал:

– Доброе утро!

Рыжая женщина чарующе улыбнулась.

– Черт меня побери, – пробормотал Барри (по-английски). Потом сказал: – Доброе утро. Откуда вы взялись?

Эта женщина походила на кинозвезду Риту Хейворт, только облагороженную… пожалуй, сочетание Риты Хейворт и Моны Лизы?

– Я с Альтаира, примерно из седьмого тысячелетия после вашего времени, – ответила она и улыбнулась еще очаровательней. По-французски она говорила похуже какого-нибудь первокурсника-футболиста из американского колледжа. – Я археолог, веду раскопки в развалинах Третьего Парижа. Извините мое прескверное произношение, ваш язык мы, понятно, знаем только по надписям.

– С Альтаира? Со звезды? Но вы с виду совсем земная женщина… так мне кажется…

– Люди с Земли поселились на нашей планете примерно четыре тысячи лет назад… то есть через три тысячи лет от вашего времени. – Она засмеялась еще очаровательней и взглянула на Ленуара. – Жеан мне все объяснил, но я еще немного путаюсь.

– Опасно было повторять этот опыт, Жеан! – с упреком сказал Барри. – До сих пор нам, знаешь ли, просто на редкость везло.

– Нет, – возразил француз, – это не просто везение.

– Но, в конце концов, ты шутки шутишь с черной магией… Послушайте… не имею чести знать вашего имени, сударыня…

– Кёслк, – назвалась она.

– Послушайте, Кёслк, – без малейшей запинки продолжал Барри. – В ваше время наука, должно быть, невообразимо ушла вперед… скажите, есть на свете какое-то колдовство? Существует оно? Можно ли и вправду нарушить законы Природы – ведь вот, похоже, мы их нарушаем?

– Я никогда не видела подлинного колдовства и не слыхала ни об одном научно подтвержденном случае.

– Тогда что же происходит?! – завопил Барри. – Почему это дурацкое старое заклятие служит Жеану, всем нам – только оно одно и только здесь, больше ни у кого и нигде не случалось ничего подобного за пять… нет, за восемь, нет, за пятнадцать тысяч лет, что существует история?! Почему так? Почему? И откуда взялась эта чертова собачонка?

– Собачка потерялась, – сказал Ленуар, смуглое лицо его было очень серьезно. – Потерялась на острове Сен-Луи, где-то неподалеку от этого дома.

– А я разбирала черепки на месте жилого дома на Втором острове, четвертый участок раскопок, сектор Д. Такой чудесный весенний день, а мне он был ненавистен. Просто отвратителен. И этот день, и работа, и все люди вокруг. – Кёслк опять поглядела на сурового маленького алхимика долгим, спокойным взглядом. – Сегодня ночью я пыталась объяснить это Жеану. Понимаете, мы усовершенствовали человечество. Все мы теперь очень рослые, здоровые, красивые. Не знаем, что такое пломбы. У всех черепов, раскопанных в Ранней Америке, в зубах пломбы… Среди нас есть люди с коричневой кожей, и с белой, и с золотистой. Но все – красивые, здоровые, уравновешенные, напористые, преуспевающие. Профессию и степень успеха для нас заранее определяют в государственных детских домах. Но изредка попадаются гены с изъяном. Вот как у меня. Меня учили на археолога, потому что наши Учителя видели, что я, в сущности, не люблю людей, тех, кто вокруг. Люди наводили на меня скуку. С виду все – такие же, как я, а внутренне все мне чужие. Если всюду кругом одно и то же, где найти дом?.. А теперь я увидела не слишком чистое и не слишком теплое жилище. Увидела собор, а не развалины. Встретила человека меньше меня ростом, с испорченными зубами и пылким нравом. Теперь я дома, здесь я могу быть сама собой, я больше не одна!

– Не одна, – негромко сказал Ленуар Пенниуизеру. – Одиночество, а? Одиночество и есть колдовство, одиночество сильней всякого колдовства… В сущности, это не противоречит законам Природы.

Из-за двери выглянула Бота, лицо ее, обрамленное непослушными черными волосами, разрумянилось. Она застенчиво улыбнулась и по-латыни учтиво поздоровалась с гостьей.

– Кёслк не понимает по-латыни, – с истинным наслаждением сказал Ленуар. – Придется поучить Боту французскому. И ведь французский – это язык любви, так? Вот что, выйдем-ка в город, купим хлеба, я проголодался.

Он завернулся в свой траченный молью черный балахон, а Кёслк поверх серебряной туники набросила надежный, все скрывающий плащ. Бота причесалась, Барри рассеянно поскреб шею – вошь укусила. А потом все отправились добывать завтрак. Впереди шли алхимик с межзвездным археологом и разговаривали по-французски; за ними следовали галльская рабыня и профессор колледжа из штата Индиана, держась за руки и разговаривая по-латыни. На узких улицах было людно, ярко светило солнце. Высоко в небо вздымались квадратные башни собора Парижской Богоматери. Рядом играла мягкой зыбью река. Был апрель, и в Париже, по берегам Сены, цвели каштаны.

notes

Примечания

1

Внемли и повинуйся *(лат.)*.

2

«Великие заклятия» *(лат.)*.